

Личность *Другого* в академическом дискурсе

Ольга А. Сулейманова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, SouleimanovaOA@mgpu.ru

Ирина В. Тивьяева

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, TivyaevaIV@mgpu.ru

Аннотация. В статье описывается семантическая роль *Другого* в академическом дискурсе. Опираясь на идеи М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, авторы выбирают фигуру *Другого* как ключевого актора письменной коммуникации в академическом сообществе и ставят цель определить специфику языковой репрезентации *Другого* в академическом дискурсе в сопоставлении с дискурсом художественной литературы. Эмпирическая база исследования представлена корпусом текстов научных статей российских лингвистов, изданных в период с 1991 по 2012 гг. в рамках проекта Н.Д. Арутюновой «Логический анализ языка». На первом этапе исследования на основе указанных текстов была составлена релевантная выборка, в которую вошли языковые контексты, маркирующие дискурсивное присутствие *Другого*. Второй этап исследования предполагал семантический анализ и интерпретацию языкового материала с привлечением положений современной науки о языке и данных смежных дисциплин, в частности когнитивной психологии. Полученные результаты позволили составить типологию *Другого* в академическом дискурсе, а также выявить разноуровневые языковые единицы, системно выступающие эксплицитными или имплицитными маркерами фигуры внешнего актора в русскоязычной письменной академической коммуникации. Обращение к категории *Другого* в академическом дискурсе способствует более глубокому пониманию когнитивных аспектов процессов коммуникации в академическом сообществе и актуализирует ключевые прагматические установки научной интеракции.

Ключевые слова: академический дискурс, письменная коммуникация, имплицитный *Другой*, неопределенно-личное предложение, риторический вопрос

Для цитирования: Сулейманова О.А., Тивьяева И.В. Личность *Другого* в академическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 207–223. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-207-223

© Сулейманова О.А., Тивьяева И.В., 2022

Figure of *Other* in academic discourse

Olga A. Suleimanova

Moscow City University, Moscow, Russia,

SouleimanovaOA@mgpu.ru

Irina V. Tivyaeva

Moscow City University, Moscow, Russia,

TivyaevaIV@mgpu.ru

Abstract. The paper focuses on the semantic role of *Other* in academic discourse. Drawing on ideas expressed by M.M. Bakhtin and Yu.M. Lotman, the authors see *Other* as a key actor of written communication in the academic community and aim to describe the specifics of verbalizing *Other's* presence in academic discourse as compared to fiction genres. The empirical basis of the study is constituted by a corpus of research papers written by Russian linguists and published over the period of 1991 through 2012 as part of the *Logical Analysis of Language* series edited by N.D. Arutyunova. In the initial stage of the research the corpus was used as a source of language data featuring contexts indicative of omnipresent *Other*. The second stage consisted in semantic analysis of language samples followed by cognitive interpretation and relied both on present-day linguistic theories and recent research in psychology. Results include a typology of *Other* in academic discourse and a description of relevant lexical and syntactic units systemically functioning as explicit and implicit markers of *Other* in Russian written academic communication. Addressing the figure of *Other* in academic discourse offers insights on the cognitive background of academic communication and brings to light key pragmatic intentions shaping interaction within the academic community.

Keywords: academic discourse, written communication, implicit *Other*, indefinite-personal sentence, rhetoric question

For citation: Suleimanova, O.A. and Tivyaeva, I.V. (2022), "Figure of *Other* in academic discourse", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 2, pp. 207–223, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-207-223

Введение

В статье рассматривается элемент семантической структуры предложения, необязательно имеющий эксплицитное выражение, однако присутствующий в выстраивании коммуникации как партнер автора, с которым автор и соизмеряет свою концепцию. Вывод о его наличии делается на основе присутствия в высказыва-

вании особых маркеров – дискурсивных частиц, местоимений и структурно-функционального анализа всей модели предложения. Это фигура *Другого* партиципанта акта коммуникации, введенная М.М. Бахтиным в интерпретацию художественного произведения, оттеняющая героя на фоне прочих персонажей и создающая полифонию текста, его многоголосие [Бахтин 1979]. Данная фигура обнаруживает себя и в академическом дискурсе, отличаясь спецификой своего выражения. Она попадает в сферу интереса исследователей начиная с Аристотеля, изучены многие аспекты ее функционирования. Так, Э. Бенвенист отмечает, что индивид способен познать себя именно через соотнесение с другими индивидами [Бенвенист 2002]; М.М. Бахтин подчеркивает, что жизнь человека – это интенсивное взаимодействие с другими [Бахтин 1979]. Ж. Отье-Ревю называет это повсеместным растворением *Другого* в дискурсе [Отье-Ревю 1999, с. 58]. В ряде работ специально рассматривается автокоммуникация [Лотман 2000; Никитина 2006]. Исследователи отмечают, что «наряду с явными, эксплицитными средствами адресованности... в любом естественном языке широко представлены косвенные, имплицитные средства адресованности, содержащие в своей семантике скрытую апелляцию к адресату, такие как диминутивы, побудительные и вопросительные высказывания... К средствам имплицитной адресованности также относятся так называемые «метатекстовые показатели»: вводные слова, частицы, пояснения, вставные конструкции, ориентированные на восприятие адресата» [Радбиль 2012, с. 411; Вежбицка 1978]. Именно эти метатекстовые показатели и имплицитно присутствуют в дискурсе *Другого* в тексте. Вместе с тем на настоящий момент остается не до конца проясненным функционал таких показателей, не выявлен набор единиц, позволяющий осуществить инференцию и реконструировать фигуру *Другого* как участника акта коммуникации в академическом пространстве, при том что исследования диалогичности академического дискурса активно ведутся в настоящее время (см., например, [Фомина 2017; Фомина 2018; Щепилова 2017; Чекмаева 2019]).

Другой в художественном и академическом дискурсе

В художественном дискурсе данная фигура эксплицируется через описание взаимодействия героев друг с другом, через обращение писателя к воображаемому собеседнику, часто к лирическому герою, ср.:

*Когда ты вспомнишь обо мне
В краю чужом...
Когда ты вспомнишь обо мне,
Дня, месяца, Господня Лета
Такого-то, в чужой стране...
Когда ты
Однажды вспомнишь обо мне...*
(И. Бродский. Пень без музыки. F.W.),

где автор обращается к одному ему известному реальному лицу; ср. тж.

*Мой друг! Я видел море зла
И неба мстительного кары*
(К.Н. Батюшков. К Дашкову)

или к воображаемому персонажу (историческому лицу)

Псылаю тебе, Постум, эти книги.
(И. Бродский. Письма римскому другу
(Из Марциала))

В роли *Другого* могут выступать абстрактные сущности

*Чего ты мне еще, зло время, не наслало!...
О град! в котором я благополучен был,
Места! Которые я прежде столь любил...*

Это может быть автодиалог

Терпи, моя душа, терпи различны муки
(А.П. Сумароков)

В прозаическом произведении, например в романе становления именно через анализ взаимодействия героев с окружающими и на их фоне, в противопоставлении им герой проходит путь становления. Отметим, однако, что в литературе необязательно предполагается непосредственно выраженное взаимодействие с адресатом, *Другим*, это может быть отложенный контакт с читателем и необязательно эксплицированная обратная связь (за исключением, может быть, отзыва критика или письменного или устного отклика читателя).

В академическом дискурсе ситуация иная: исследователь обращается к академическому сообществу с установкой получить

ожидаемый отклик на результаты своего исследования, причем это может быть публичная полемика (в форме статьи, рецензии и, конечно, в виде цитирования в работах коллег). В противном случае его исследование теряет смысл и не имеет значимости, на которую он рассчитывал и во взаимодействии и противодействии с которыми и развивается научная мысль. Собственно, эта установка на отклик коллег и определяет особую роль *Другого* (потенциального) как рупора таких откликов [Дискурс 2018]. Иными словами, автор находится практически в постоянном диалоге с *Другим(и)*, как имплицитным, так и эксплицитно обозначенным. В этом отношении академический дискурс принципиально отличен от диалога в художественном произведении.

Последний преимущественно (если не исключительно) представлен письменной формой, тогда как академический имеет еще одно отличие: он реализуется в письменной, а также и в устной форме. Эти формы могут различаться в том числе и спецификой взаимодействия с *Другим*. В настоящей работе рассматривается письменный дискурс и формы выражения *Другого* в академическом письменном жанре.

Материал и методология

Эмпирическая база исследования создавалась на основе текстов академического дискурса, представленных в виде научных статей по лингвистике, из которых отбирались интересующие нас дискурсивные маркеры, как лексические единицы, так и высказывания, эксплицирующие и имплицитные взаимодействие говорящего с академическим сообществом. Выборка примеров основана на текстах из ставших классическими сборников проекта Н.Д. Арутюновой «Логический анализ языка» [Логический анализ языка 1991; Логический анализ языка 2002; Логический анализ языка 2003a; Логический анализ языка 2003b; Логический анализ языка 2012] как представляющих строгие академичные и хорошо отредактированные тексты.

Методика предпринятого исследования определялась поставленными задачами, а именно: на первом этапе анализировались интерпретации семантики и функций данных дискурсивных маркеров, представленные в лингвистических работах. Выявлялись особенности полифонии дискурса [Бахтин 1979] в формате академического дискурса по сравнению с ее реализацией в дискурсе художественной литературы. В ходе анализа практического материала уточнялись существующие описания, рассматривалась ин-

терпретация ряда данных единиц в рамках междисциплинарного подхода, например, в исследованиях по психологии уточнена практически интерпретация семантики местоимения *мы*, что позволяет точнее определить его функционал и дискурсивный потенциал. Выстроена система эксплицитных маркеров взаимодействия с *Другим*, а также уточнена типология средств эксплицитного выражения *Другого* в академическом дискурсе.

*Эксплицитный и имплицитный Другой
в академическом дискурсе
Эксплицитный Другой*

Типичным способом эксплицитного представления *Другого* в тексте служит прежде всего использование существительного / именной группы или местоимения в форме именительного падежа типа *Н.Н. Николаев / ученый, исследователь / он полагает, что Р*, ср.: *А.Д. Кошелев предлагает считать, что «главной спецификой движения, обозначаемого ползти, является его полная устойчивость»*; *А.А. Любичев предлагает различать два вида упорядоченности – первичную и вторичную*; *При описании понятия «действие» в качестве единицы словаря русской культуры Ю.С. Степанов указывает на необходимость введения в лингвистическое описание таких подролей агенса, как агент-исполнитель и агент-инициатор*. (Отметим однако, что данный способ обозначения *Другого* неожиданно для нас оказался крайне низкочастотным. Мы могли бы отнести это на счет высокого академического уровня издания, отражающего стремление авторов фокусироваться скорее на содержании выдвигаемых и описываемых положений, чем на специальном подчеркивании атрибуции данных положений.) По понятным причинам распространено упоминание *Другого* в академическом тексте в формате ссылки *Любопытство – это интерпретативный предикат (в смысле [Апресян и др. 2000: XXV])*. *Другой* может быть эксплицитован именной группой / местоимением субъекта в форме творительного падежа: *нами установлено, что Р*. *Здесь Достоевским выведены наружу социальные парадоксы свободы: борьба за свободу объединяет и в то же время разъединяет людей*. Субъект *Другой* может получать метонимическое обозначение в виде отсылки к опубликованной автором статье, монографии или непосредственно к продвигаемой концепции, к локативному уточнителю, ср.: *данный подход предполагает, в статье, в работе Н.Н. Петрова*, ср.: *Для лингвистики интересными могут быть такие ситуации, в которых субъект вступает в ритуально не оформленные ситуации*.

Хорошо известным и широко распространенным средством апелляции к *Другому* может служить использование инклюзивного местоимения *мы*, включая и его нулевую форму. Психологи подчеркивают, что личные местоимения в языке составляют специальный класс слов, призванных обеспечить коммуникацию с миром [Slatcher 2008], что объясняет их использование психологами в качестве опоры в диагностировании психических расстройств, например в диагностике self-focused attention (SFA) (когнитивное расстройство, пограничное с депрессией – *cognitive bias closely related to depression*) [Brockmeyer 2015], а также позволяет установить связь использования местоимений с психическим состоянием [Slatcher 2008]. В лингвистике между тем получены исчерпывающие описания прономинальной семантики – см., например, [Селиверстова 1988]. Мы полагаем, что соединение лингвистического анализа и данных психологии позволяет уточнить интерпретацию указанных языковых единиц.

Психологи отмечают, что особенности использования пациентами местоимения первого лица – в форме единственного и множественного числа, наряду с лексикой, обозначающей эмоции, прямо соотносятся с состоянием психического здоровья личности [Slatcher 2008]. Они полагают, что местоимение *я* (I-talk) сигнализирует об осознании индивидом своей идентичности, и говорящий в личных отношениях использует это местоимение, например, когда фиксирует расхождение между существующим и желательным положением дел [Brockmeyer 2015]; оно часто служит лингвистическим маркером склонности к стрессу и негативной эмоциональности [Tackman 2018]. Исследования показывают, что депрессивная симптоматика проявляется в высокой частотности использования данного местоимения, из чего логически следует наличие у индивида повышенного упорного фокусирования на себе [Brockmeyer 2015], а это предполагает, что в коммуникации адресат подсознательно «считывает» данную информацию и воспринимает говорящего как стрессонеустойчивого индивида, недостаточно уверенного в себе и – как следствие – провоцирующего возражение.

Особого внимания заслуживает местоимение *мы*, которое, по мнению ряда исследователей, не является простым коррелятом формы единственного числа первого лица *я*, будучи противопоставлено ему по числу. Эти местоимения в принципе различаются и рядом иных коммуникативно чрезвычайно значимых свойств. Они «устроены» по-разному. Психологи рассматривают эти местоимения как маркер социальной идентичности и аффилиативной мотивации, когда партнеры осознают характер взаимодействия как близкого и качественного [Fitzsimons 2004].

Для академического дискурса традиционно свойственно использовать *мы*-авторское, *мы*-скромности. (Отметим однако, что его навязчивое использование в работах начинающих исследователей производит обратный эффект и начинает восприниматься как нескромное. Ср. т.ж. дублирование эффекта указанием на принадлежность работы автору с помощью притяжательного местоимения: как неприемлемую практику: **мы в нашем исследовании* [Сулейманова 2017].)

Имплицитный Другой

Имплицитный *Другой* представлен разнообразными лексическими и синтаксическими средствами и их комбинацией, и его «присутствие» выявляется через инференцию.

Мы выделяем два принципиально различных типа имплицитности, а именно: использование, например, местоимения *мы*, вполне эксплицитного, которое, однако, предполагает инференцию со стороны слушающего относительно того, кто же именно включен в круг участников события, и в этом смысле неопределенность референции порождает имплицитные смыслы. Нулевое *мы*, выводимое из формы глаголов *давайте сделаем Р* или *рассмотрим Р*, порождает иные смыслы. Само местоимение *мы* – как в эксплицитной, так и нулевой форме – может использоваться как эксклюзивно, так и инклюзивно, и эти варианты несимметричны. Фразы *рассмотрим эту проблему / давайте рассмотрим эту проблему* представляют собой скорее призыв к описываемому действию, тогда как *мы рассмотрим эту проблему* скорее относится к описанию будущего действия, ср. т.ж. *Заметим / отметим, что* и *мы заметим, что* или *обратим внимание* (к описываемому в данный момент факту) фактически призывает *обратите внимание* vs *мы обратим внимание* (обещание обратиться к факту в ходе дальнейшего обсуждения). Далее, использование нулевого местоимения *мы* позволяет установить более доверительные отношения с аудиторией по сравнению, например, с конструкцией с использованием глагола в форме повелительного наклонения – ср. *представим, как в данном случае Р*, где говорящий приглашает аудиторию присоединиться к описываемому когнитивному сценарию, и *мы представим*, где вероятно не только инклюзивное прочтение местоимения и тем самым не-включение адресата в описываемое событие и далее референция к будущему событию. *Начнем с живых существ – движущихся по собственной воле и с собственной целью*. Конструкции с нулевым, имплицитным местоимением обладают более высоким иллюку-

тивным потенциалом и в силу этого предпочтительны в ситуации устной коммуникации.

Имплицитный актант, с которым ведется диалог, системно представлен, например, в неопределенно-личных конструкциях с нулевым местоимением *они*, как и в принципе в большинстве случаев использования нулевых местоимений (*в лингвистике*) *считают; допустим, что Х*. При этом инклюзивное нулевое *мы* более диалогично: например, в высказываниях *Отметим / Обратим внимание / Рассмотрим* автор приглашает собеседников к совместному действию, включая их в свою деятельность, тогда как в высказывании *Нарисуем схему Х-а* маловероятно включение собеседника в данное действие.

Относительно низкую частотность неопределенно-личных конструкций с нулевым местоимением *они*, отмеченную нами при анализе языкового материала, возможно объяснить прагматической установкой любого академического текста на трансляцию нового научного знания. При этом, чтобы знание удовлетворяло требованиям научности, оно должно быть достоверным и происходить из надежного источника. Неопределенный статус актанта, имплицитируемого неопределенно-личными конструкциями с нулевым местоимением *они*, противоречит природе академического текста, не терпящего неточностей и условностей, поэтому, как правило, имплицитный *Другой* в таких конструкциях контекстуализирован, локализован во времени или пространстве. Отсутствие темпорального или пространственного локализатора в микроконтексте позволяет рассматривать нулевое *они* как дейктическое местоимение. Ср.: ***В современном русском употреблении*** *вырисовывается следующая схема. О Божественном мире и его аналогах говорят в терминах истины* [Логический анализ языка 1991, с. 26]. *Столь же естественно присутствие правды в эстетических контекстах: предметом искусства может быть только мир человека. Поэтому говорят о правде искусства, правде поэзии, правде художественного мира Толстого, художественной правде* [Логический анализ языка 1991, с. 26]. *vs Отметим несколько характерных черт концепции (7) «факт есть причина события»: 1) во-первых, от «одноименных» термов снова перешли к «разноименным», или «несимметричным»* [Логический анализ языка 1991, с. 7].

К прочим **лексическим средствам** можно отнести маркеры имплицитного взаимодействия, которые в большинстве своем маркируют некий квазидialog исследователя с самим собой как с *Другим Я*, отражая путь исследования, когда автор приводит аргументы (часто чужие) и в итоге приходит в ходе диалога к своему результату. Как отмечает Е.С. Никитина: «Общение с собой – это,

бесспорно, то, чему нас никто и нигде не учит. Нам по мере возможности прививают навыки общения с другими людьми, манеры поведения в семье, обществе. Но мы и понятия не имеем о правилах общения с самим собой даже в самых элементарных ситуациях. Многие даже не подозревают, что такой вид общения существует и в том или ином виде является обязательным условием нормальной, здоровой сознательной жизни человека» [Никитина 2012, с. 402]. Автокоммуникация принимает различные формы – так, исследователи относят к данной форме коммуникации общение с природой [Никитина 2012, с. 406]. Далее, показатели эпистемической модальности типа *вероятно, возможно, по всей видимости* имплицитно существуют, с которыми ведется диалог в том смысле, что говорящий допускает возможное несогласие с его стороны и учитывает его при выдвижении своей точки зрения [Дискурс 2018]: *Однако вполне нейтральный в оценочном смысле ПП (первичный предикат. – О. С., И. Т.) приближаться также, по-видимому, содержит сему «непосредственное восприятие»*. Эпистемическое *возможно*, отражая готовность говорящего принять и иную точку зрения потенциального Другого, хорошо коррелирует с общими установками академического сообщества на открытость к иной точке зрения, с одной стороны, и снимает категоричность высказывания, порождая благоприятную реакцию и открытость у академического сообщества – с другой. При этом именно диалог с Другим обеспечивает продвижение и связность текста. Ср.: *Можно сказать (12) Дверь выходит во двор, но вряд ли допустимо предложение...; Отдельная интересная задача, по всей видимости, – это проследить, каким образом те или иные адвербиальные значения выражаются в различных языках*.

Диалогичность с Другим также отражена словами типа *ведь, же, отнюдь, то есть* и рядом других (см. ниже). В работе Т.Е. Янко единицы: *а, действительно, ведь, -то*, вводные слова и обращения отнесены к свидетельствам присутствия говорящего человека [Янко 2003, с. 573], что хорошо согласуется с нашей интерпретацией, продолжающей данную точку зрения – в данных случаях действительно хорошо просматривается говорящий, уже ведущий в том числе и автодиалог с собой прежним, со своей прежней точкой зрения. Так, слово *действительно* может, с одной стороны, маркировать автодиалог с собой: *Действительно, невозможно описать ситуацию, скажем, медленного движения карандаша как *карандаш ползет по бумаге*, с другой – реагировать согласием на точку зрения собеседника. Слова *впрочем, отнюдь, однако* также позволяют автору вступать в квазидиалог относительно ранее высказанного, слово *все-таки*, полемично завершая некий (внутренний) диалог:

Но заметим, что Вендлер все-таки не говорит, что высказывания, ведущие к «иллюквативному самоубийству», в принципе невозможны, аномальны, также выстраивает линию взаимодействия с *Другим*. Ср. также **Определенная доля истины** в этом критическом замечании есть, где автор взаимодействует с ранее обозначенным замечанием «собеседника» через обозначение своего согласия (определенная доля истины – истина как репрезентант собеседника). Распространены пояснения, вводимые через *то есть* и *иными словами*. С точки зрения прагматики развития сюжета такие мотивы представляют собой сюжетные приемы, **т. е. определенные смысловые инструменты организации опыта для передачи тех или иных ценностей. Иными словами, содержание предложения соответствует действительности.** Далее, предикаты потенциальности, содержащие модальные показатели типа *возможно, необходимо* имплицитно взаимодействуют с научным сообществом, когда говорящий не «закрывается» от него, он солидаризируется с возможным собеседником, приглашая его к диалогу – действительно, любое *можно* фактически провоцирует собеседника на то, чтобы «проверить», действительно ли можно, равно как *необходимо* – действительно ли это необходимо.

При этом наряду с приглашением к когнитивному взаимодействию показатели (эпистемической) модальности привносят представление о некатегоричности или, напротив, категоричности дискурса, формируя образ ученого как толерантной личности, открытой к взаимодействию и готовой к учету иной точки зрения.

К числу **синтаксических средств**, имплицитно присутствующие *Другого*, относится прежде всего неопределенно-личная модель. Семантика модели предполагает описание денотативной ситуации как включающей в событие сообщество лиц, границы которого эксплицированы / имплицитно заданы через включение в совокупную деятельность, значимую для данного сообщества: в нашем институте, в древности. При этом фраза типа *в нашем университете считают, что данные программы не подходят для данного профиля* предполагает охват тех сотрудников, которые непосредственно связаны с такими видами деятельности – в сферу действия включены преподаватели и администрация и, по всей вероятности, не включен персонал, осуществляющий уборку помещений [Сулейманова 1999].

Еще одним синтаксическим средством, имплицитно взаимодействующим с *Другим*, является риторический вопрос. Его суть не только в том, что это вопрос, который не требует ответа – прагматически дискурсивная интерпретация риторического вопроса акцентирует то, что он позволяет говорящему вовлекать *Другого* в свое

дискурсивное пространство, «включая» и активизируя механизм активного восприятия, что способствует активному слушанию и тем самым оптимизирует коммуникативное взаимодействие, являясь эффективным инструментом продвижения коммуникации.

Конструкции с риторическим вопросом также «маскируют» диалог, придавая динамизм повествованию и вместе с тем повышая иллокутивную силу высказывания, поскольку вовлекают *Другого* в активное «слушание», заставляя его – в режиме опережения – пытаться ответить на заданный вопрос. *Что же тогда остается в понятии парентезы?* В ряде случаев это некий внутренний диалог с самой собой – **Для чего мы рассматриваем здесь именно эту конструкцию?**

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно специфики выстраивания коммуникации в академическом сообществе. Академический дискурс отличается от других типов дискурса, в том числе дискурса художественного, установкой на диалогичность, что продиктовано основными принципами производства научных знаний. Наука не способна развиваться в изоляции. Диалог между участниками академического сообщества – необходимый компонент системы апробации, способствующий верификации и осмыслению научных результатов. Диалогичность академического дискурса проявляется, помимо прочего, через фигуру *Другого*, который выступает ключевым актором процесса коммуникации. Формы объективации *Другого* в академическом дискурсе варьируются в зависимости от письменного или устного и жанрового формата коммуникации.

В письменном академическом дискурсе присутствие *Другого* может быть обозначено как эксплицитно, так и имплицитно. Типичными маркерами эксплицитного *Другого* выступают существительные, именные группы и личные местоимения, в том числе инклюзивное *мы*. При этом в обследованном текстовом материале отмечается невысокая степень частотности языковых средств, эксплицирующих присутствие стороннего коммуниканта.

Арсенал средств, маркирующих фигуру имплицитного *Другого*, с которым ведется диалог, отличается большим разнообразием и включает единицы как лексического, так и синтаксического уровня. Имплицитный актант определяется через инференцию, при этом может манифестироваться эксплицитно, например посредством инклюзивного *мы*, или имплицитно – через нулевые местоимения, неопределенно-личные конструкции или риторические вопросы.

Особое место в рамках академического дискурса отводится автокоммуникации, поскольку специфика профессиональной деятельности в академической сфере способствует ведению субъектом автодиалога. Адресат автокоммуникации нередко репрезентируется через модальные слова и лексемы типа *действительно, ведь, отнюдь*.

Таким образом, базовые коммуникативные установки, принятые академическим сообществом, являются определяющими для конфигурации ролей в академическом дискурсе и их системной репрезентации.

Литература

- Бахтин 1979 – Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Бенвенист 2002 – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002. 448 с.
- Вежбицка 1978 – Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста / Ред. Т.М. Николаева. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.
- Дискурс 2018 – Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Д.Д. Холодова, Г.Н. Манаенко, С.Н. Плотникова [и др.]; Ред. О.А. Сулейманова. М.: URSS, Ленанд, 2018. 320 с.
- Логический анализ языка 1991 – Логический анализ языка. Культурные концепты / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. 204 с.
- Логический анализ языка 2002 – Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. 648 с.
- Логический анализ языка 2003a – Логический анализ языка. Космос и хаос / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. 640 с.
- Логический анализ языка 2003b – Логический анализ языка: Избранное 1988–1995 / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. 696 с.
- Логический анализ языка 2012 – Логический анализ языка. Адресация дискурса / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. 512 с.
- Лотман 2000 – Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 159–165.
- Никитина 2006 – Никитина Е.С. Автокоммуникация как риторическая проблема // Классическое лингвистическое образование в современном мультикультурном пространстве-2: Материалы Международной научной конференции. Часть 1. М.; Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. С. 140–146.
- Никитина 2012 – Никитина Е.С. Адресаты в автокоммуникации // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 402–410.

- Отъе-Ревю 1999 – *Отъе-Ревю Ж.* Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 54–94.
- Радбиль 2012 – *Радбиль Т.Б.* Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М.: Индрик, 2012. С. 411–424.
- Селиверстова 1988 – *Селиверстова О.Н.* Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
- Сулейманова 1999 – *Сулейманова О.А.* Проблемы русского синтаксиса. Семантика безличных предложений. М.: Диалог-МГУ, 1999. 222 с.
- Сулейманова 2017 – *Сулейманова О.А.* К вопросу о нормативности письменного академического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 52–61.
- Фомина 2017 – *Фомина М.А.* Маркеры адресанта в научном диалоге // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалистов. 2017. Т. 1. № 2 (10). С. 96–103.
- Фомина 2018 – *Фомина М.А.* Субъект в академическом дискурсе // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Ред. О.А. Сулейманова. М.: URSS, Ленанд, 2018. С. 256–272.
- Чекмаева 2019 – *Чекмаева Н.А.* Диалог с Другим в академическом дискурсе // В многомерном пространстве современной лингвистики. М.: Языки народов мира, 2019. С. 334–342.
- Щепилова 2017 – *Щепилова А.В., Сулейманова О.А., Фомина М.А., Водяницкая А.А.* Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3 (27). С. 68–82.
- Янко 2003 – *Янко Т.Е.* Описания мира и речевые действия // Логический анализ языка. Избранное 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 571–580.
- Brockmeyer 2015 – *Brockmeyer T., Zimmermann J., Kulessa D. et al.* Me, myself, and I: self-referent word use as an indicator of self-focused attention in relation to depression and anxiety // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. Art. 1564.
- Fitzsimons 2004 – *Fitzsimons G.M., Kay A.C.* Language and interpersonal cognition: causal effects of variations in pronoun usage on perceptions on closeness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. Vol. 30 (5). P. 547–557.
- Slatcher 2008 – *Slatcher R.B., Pennebaker J.W., Vazire S.* Am “I” more important than “we”? Couples’ word use in instant messages // *Personal Relationships*. 2008. Vol. 15. P. 407–424.
- Tackman 2018 – *Tackman A., Horn A., Carey A., Holtzman N.S.* Depression, Negative Emotionality, and Self-Referential Language: A Multi-Lab, Multi-Language-Task Research Synthesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018. Vol. 116 (5). P. 817–834.

References

- Arutyunova, N.D. (ed.) (1991), *Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language. Culture concepts], Nauka, Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D. (ed.) (2002), *Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language. Semantics of beginning and end], Indrik, Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D. (ed.) (2003a), *Logicheskii analiz yazyka. Kosmos i khaos* [Logical analysis of language. Cosmos and chaos], Indrik, Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D. (ed.) (2003b) *Logicheskii analiz yazyka. Izbrannoe 1988–1995* [Logical analysis of language. Selected works 1988–1995], Indrik, Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D. (ed.) (2012) *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical analysis of language. Addressing in discourse], Indrik, Moscow, Russia.
- Autier-Revue, J. (1999), “Explicit and cognitive heterogeneity: to the problem of Other in discourse”, *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of analysis of discourse], Progress, Moscow, pp. 54–94.
- Bakhtin, M.M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of verbal creativity], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Benvenist, E. (2002), *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics], URSS, Moscow, Russia.
- Brockmeyer, T., Zimmermann, J., Kulesa, D. et. al. “Me, myself, and I: self-referent word use as an indicator of self-focused attention in relation to depression and anxiety”, *Frontiers in Psychology*, vol. 6, art. 1564.
- Chekmaeva, N.A. (2010), “Dialogue with Other in academic discourse”, in Kardanova-Biryukova, K.S. (ed.), *V mnogomernom prostranstve sovremennoi lingvistiki* [In multidimensional space of contemporary linguistics], Yazyki narodov mira, Moscow, pp. 334–342.
- Fitzsimons, G.M. and Kay, A.C. (2004), “Language and interpersonal cognition: casual effects of variations in pronoun usage on perceptions on closeness”, *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 30, no. 5, pp. 547–557.
- Fomina, M.A. (2017), “The addresser’s markers in academic dialogue”, *Lingvokul'turnoe obrazovanie v sisteme vuzovskoi podgotovki spetsialistov* [Linguacultural education in the system of university training], vol. 1, no. 2 (10), pp. 96–103.
- Fomina, M.A. (2018), “Subject in academic discourse”, in Suleimanova, O.A. (ed.) *Diskurs kak universal'naya matritsa verbal'nogo vzaimodeistviya* [Discourse as a universal matrix of verbal interaction], URSS, Lenand, Moscow, pp. 256–272.
- Lotman, Yu.M. (2000), “Autocommunication: I and Other as addressees (On two communication models in the system of culture)”, in *Semiosfera*, Iskusstvo-SPb, St.-Petersburg, pp. 159–165.
- Nikitina, E.S. (2006), “Autocommunication as a rhetoric problem”, in *Klassicheskoe lingvisticheskoe obrazovanie v sovremenном mul'tikul'turnom prostranstve-2. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chast' 1* [Classical linguistic education in modern multicultural space-2, Proceedings of International Scientific

- Conference. Part 1], Pyatigorskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, Moskva-Pyatigorsk, pp. 140–146.
- Nikitina, E.S. (2012), “Addressees in autocommunication”, in Arutyunova, N.D. (ed), *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical analysis of language. Addressing in discourse], Indrik, Moscow, Russia, pp. 402–410.
- Radbil', T.B. (2012), “Metalinguistic commentary as a means of manipulating the addressee”, in Arutyunova, N.D. (ed), *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical analysis of language. Addressing in discourse], Indrik, Moscow, Russia, pp. 411–424.
- Seliverstova, O.N. (1988), *Mestoimeniya v yazyke i rechi* [Pronouns in language and speech], Nauka, Moscow, Russia.
- Shchepilova, A.V., Suleimanova, O.A., Fomina, M.A. and Vodyanitskaya, A.A. (2017), “[Target audience in contemporary educational discourse”, *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, vol. 3, no. 27, pp. 68–82.
- Slatcher, R.B., Pennebaker, J.W. and Vazire, S. (2008), “Am “I” more important than “we”? Couples’ word use in instant messages”, *Personal Relationships*, vol. 15, pp. 407–424.
- Suleimanova, O.A. (1999), *Problemy russkogo sintaksisa. Semantika bezlichnykh predlozhenii* [Problems of Russian syntax: impersonal sentences], Dialog-MGU, Moscow, Russia.
- Suleimanova, O.A. (2017). “Guidelines towards academic writing”, *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, vol. 2, no. 26, pp. 52–61.
- Suleimanova, O.A. (ed.) (2018), *Diskurs kak universal'naya matritsa verbal'nogo vzaimodeistviya* [Discourse as a universal matrix of verbal interaction], URSS, Lenand, Moscow, Russia.
- Tackman, A., Horn, A., Carey, A. and Holtzman, N.S. (2018), “Depression, Negative Emotionality, and Self-Referential Language: A Multi-Lab, Multi-Language-Task Research Synthesis”, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 116, no. 5, pp. 817–834.
- Wierzbicka, A. (1978), “Metatext in text”, in Nikolaeva, T.M. (ed.), *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. VIII. Lingvistika teksta* [New trends in foreign linguistics, vol. 8. Text linguistics], Moscow, Progress, pp. 402–421.
- Yanko, T.E. (2003), “World descriptions and speech acts”, in Arutyunova, N.D. (ed.), *Logicheskii analiz yazyka. Izbrannoe 1988–1995* [Logical analysis of language. Selected works 1988–1995], Indrik, Moscow, Russia, pp. 571–580.

Информация об авторах

Ольга А. Сулейманова, доктор филологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; 105064, Россия, Москва, Малый Казенный пер., д. 5Б; SouleimanovaOA@mgpu.ru

Ирина В. Тивьяева, доктор филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; 105064, Россия, Москва, Малый Казенный пер. д. 5Б; TivyaevaIV@mgpu.ru

Information about the authors

Olga A. Suleimanova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Moscow City University, Moscow, Russia; bld. 5B, Malyi Kazennyi per., Moscow, Russia; SouleimanovaOA@mgpu.ru

Irina V. Tivyaeva, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Moscow City University, Moscow, Russia; bld. 5B, Malyi Kazennyi per., Moscow, Russia; TivyaevaIV@mgpu.ru